

КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ СЛАВЯНСКИХ ПРИАМЕЛЕЙ — НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И УНИВЕРСАЛИЗМ

И.Шершунович

12. CULTURAL CONNOTATIONS OF SLAVONIC PRIAMELS — NATIONAL SPECIFICS AND UNIVERSALITY

J.Szerszunowicz

Университет в Белостоке, Польша, joannaszersz@gmail.com

Настоящая статья посвящена приамелям — пословицам, построенным из целого ряда слов, выражений или коротких предложений. На примере польских и русских единиц, славянские приамели анализируются в контрастивном аспекте, чтобы показать как отражается в них специфика данной культуры и как передается универсальное содержание.

Ключевые слова: приамель, пословица, культура, межъязыковая эквивалентность

The paper discusses the priamel — a proverb composed of a string of words, expressions or short sentences. By the example of Polish and Russian units, Slavonic priamels are analyzed in a contrastive perspective in order to show how they reflect the cultural specifics and present the universal content.

Keywords: priamel, proverb, culture, cross-linguistic equivalence

Приамель, иначе цепочная пословица — это тип паремии, определяемый как «целый ряд слов, фраз или коротких предложений прокомментированных, представляющих собой тип скрепы, санкционирующей следование один за другим более или менее отличающихся элементов» [1]. Это полулитературная форма [2], количество элементов которой формально не ограничено (паремиографические исследования отмечают единицы, состоящие даже из десятка полтора элементов), длина этого ряда обусловлена формой пословицы, обычно довольно короткой, а минимум — это два компонента. Чаще всего встречаются приамели состоящие из трех элементов типа *a, b, c* — например в польской пословице *Sól, wino, dobra wola — bankietów omasta* [3], что буквально обозначает: Соль, вино, добрая воля — банкетов приправа. Комментарий необязательно должен выступать как элемент структуры приамеля [2], например *Slono, kwaśno i kraśno* (буквально: Солоно, кисло и жирно), где сущность дана имплицитно: «как надо питаться».

Этот тип пословицы не отличается такой степенью лапидарности, как собственно пословицы. Главная черта приамелей — верно уловить подобие элементов ряда, которые могут образовать свод однородного характера или сочетание элементов, принадлежащих разным категориям. Ключевая мысль в приамелях может иметь шутливую окраску, хотя это не является облигаторным [4]. В большинстве случаев приамели являются носителями поучений (например: *Pan, urząd, marszałek — ma być jak kryształ* [5], буквально: Пан (хозяин), учреждение, маршал — должны быть как кристалл), значительно реже выступают в дескриптивной функции (например: *Uczni w artylerii, rośli w kawalerii, pijący na flotę, głupcy w piechotę* [5], буквально: Ученые в артиллерии, рослые в кавалерии, пьющие во флоте, дураки в пехоте).

В составе славянских пословиц, среди которых выступают единицы, возникшие в разных этносах,

можно найти среди разных пословиц тоже приамели — они присутствуют, например, в польском и русском языках [6]. В исследовательской перспективе существенным вопросом является их культурно-языковая характеристика. Цель настоящей статьи показать, в какой степени единицы этой категории передают универсальное содержание, а в какой — обращены на культуру данного этноса. Именно тогда возникнет возможность посмотреть на приамели как мини-тексты культуры, использующие культурные конотации компонентов, которые могут иметь характер как единичный, т.е. типичный данному этническому сообществу [7], так и универсальный — ссылающийся на совместное культурное наследие, особенно мифологию и Библию, влияние которого присутствует в широко понимаемой фразеологии [8, 9], а также общих разным нациям наблюдениях [4]. Предметом нашего исследования будут польские приамели, содержащие компоненты с определенной конотацией, удостоверенные в паремиографических трудах, которые будут исследованы с точки зрения их эквивалентности в русском языке.

Культурные конотации отражают представления и традиции, связанные с лексическими единицами, а в некоторых случаях с выражениями, а также многие другие внеязыковые факторы [10]. Следует подчеркнуть, что могут они в отдельных языках значительно отличаться, даже генетически близких, а с другой стороны, могут быть тождественными в случае неродственных языков, что доказывает Пирайнен [11]. Могут они быть очень существенными как в теоретическом описании языка, особенно в области этнолингвистики [12], в том числе и в паремиологии, так и в практическом аспекте, ибо имеют они большое значение в построении словарей, а следовательно, и в паремиографии.

Как уже раньше мы вспомнили, многие приамели используют конотации составных элементов. Анализ пословиц, принадлежащих к этой категории,

убедительно показывает, что, принимая во внимание конотацию компонентов, в сопоставительном аспекте можно выделить две большие группы: первую образуют единицы со сходными конотациями в сопоставляемых языках, вербализированные в форме приамелей в обоих языках или только в одном из них; вторую группу образуют те единицы, которые базируются на коннотациях, известных только носителям данного языка.

В случае сопоставления польского и русского языков первая группа пословиц довольно многочисленная, что обусловлено в большой степени культурной близостью. В обоих этносах функционируют схожие стереотипы, находим здесь отражение близких друг другу систем ценностей, сходства проявляются в наблюдениях касающихся действительности. Например, многие приамели относятся к женщинам, передавая стереотипы, касающиеся её. Основные аспекты стереотипа женщины в славянской культуре тождественны, а многие из них — это универсальные наблюдения, выходящие за границы территории, занимаемой славянами.

Поэтому возможен их буквальный перевод, даже в том случае, если данная единица не функционирует в другом языке, что можно проследить на примере нижеприведенных польских пословиц с их переводом на русский язык: *Baby, brzytwy i zegarka nie pożyczaj* [3] — Женщины, бритвы и часов не одалживай; *Panna niebożątka, mężatka niewolnica, wdowa pan* [5] — Девушка горемыка, замужняя — рабыня, вдова — пан (хозяин).

В иных приамелях, относящихся к женщинам, найдем сопоставления с предметами, представление которых в данной культуре уже стабилизировалось, например: *Niewiasta, ogień, morze — to chodzi w jednej sforze* [5] — Женщина, огонь, море — всё это в одной своре; *Panna, kawaler i rękaw — rzecz jednakowa: każdy się o nich wyciera* [5] — Девушка, кавалер и полотенце ничем не отличаются: каждый может вытереться; *Pióro lżejsze od wody, powietrze od pióra, kobieta od powietrza* [5] — Перо легче воды, воздух легче пера, женщина легче воздуха. Кроме того, в некоторых приамелях, в которых одним из элементов выступает женщина, находятся стереотипы общественного назначения, профессии и т.п.: *Wieśniak pragnie pola, szlachcic godności, żołnierz pokoju, kupiec pieniędzy, gospodarz pokoju, rzemieślnik roboty, malarz piękności, a kobieta — całego świata* [3] — Сельчанин жаждет поля, дворянин — звания, солдат — мира, купец — денег, хозяин — квартиры, ремесленник — труда, художник — красоты, а женщина — целого мира. Буквальный перевод этой пословицы независимо от того, что в другом славянском языке нет тождественной пословицы, будет понятным для его пользователей.

Иной пример единиц, которые во многих — но не во всех — случаях переключаются со сходными культурными представлениями, являются пословицы, содержащие названия животных [14, 15, 16]. Фаунизмы как компоненты приамелей вызывают определенные конотации у пользователей русского или польского языка как родного. Принимая во внимание тот

факт, что в славянском сообществе символическая ценность многих животных почти одинаковая, буквально переведенные единицы будут всем понятными. Среди польских приамелей можно найти такие примеры: *Trzymać kobietę za słowo, a piskorza za ogon — na jedno wychodzi* [3] — Ловить женщину на слово, а выюна за хвост — получается одно и то же; *Baby do chłopa, a krowy do żłobu nie trza pędzić ani na łańcuchu wieść* [3] — Женщину к мужчине, а корову к желобу не надо подгонять или вести на цепи; *Piwo bez chmielu, masło bez soli, koń bez ogona, kobieta bez cnoty — jednakową mają wartość* [5] — Пиво без хмеля, масло без соли, лошадь без хвоста, женщина, лишенная девственности, — стоят одинаково; *Cudzemu psu, cudzemu koniowi i cudzej żonie nie należy dowierzać* [16] — Чужой собаке, чужой лошади и чужой жене не следует верить.

Среди приамелей находятся тоже такие, компоненты которых вызывают культурные конотации масштаба, ограниченного к данному этносу. Примером единицы, принадлежащей к этой группе, может быть пословица о польских городах, отражающая восприятие людей, пользующихся польским языком как родным: *Gdańsk bogaty, Królewiec wielki, Toruń piękny, Elbląg obronny* [5], в переводе: Гданьск богатый, Крулевец большой, Торунь красивый, Эльблонг укрепленный. Приамель имеет здесь дескриптивный характер и выражает оценку названных городов. Анализ такого типа пословиц убедительно показывает, что в них присутствуют единицы оценочного характера, которые связаны со спецификой данной культуры (в данном случае польской), а это подтверждает присутствие прилагательных, образованных от имён собственных. В нижеуказанных примерах это адъективные компоненты, образованные от топонимов: *Gdańska dziewczeczka, krakowska wódeczka* — Гданьская девушка, краковская водочка; *Gdańska gorzałka, toruński piernik, krakowska panna, warszawski trzewik* [3] — Гданьское зеленое вино, торуньский пряник, краковская девушка, варшавский башмак; *Warszawski trzewiczek, toruński pierniczek, gdańska wódeczka, krakowska dziewczeczka* [3] — Варшавский башмачок, торуньский пряничек, гданьская водочка, краковская девушка. В переводческой перспективе анализированные единицы представляют собой референционные пробелы [17], смысл вышеуказанных приамелей может быть неизвестным говорящим на русском языке, в котором найдем иные топонимы и происходящие от них дериваты, обладающие определенным аксиологическим зарядом.

В контрастивной перспективе некоторые приамели заслуживают внимания, потому что в них записаны информации исторической ценности. Например, в польских приамелях появляются такие лица, как крестьянин, помещик, эконо́м: *Babie w kolana, chłopu w piersi, szlachcicowi w uszy, a żydowi w pięty nigdy nie bywa zimno* [3] — Женщине в коленях, мужику в груди, помещику в ушах, еврею в пятках никогда не бывает холодно; *Babuni wnuczka, kucharzowa suczka, ekonomski koń: Panie Chryste broń* [3] — Бабушкина внучка, кухаркина сучка, эконома конь: Христе Боже упаси; *Chłop spanoszony, Żyd*

chrzczone, wilk chowany, to wszystko diabla warte [3] — Разбогатевший крестьянин, крещеный еврей, ращеный волк — все они ни к чему негодные. Все это важные персоны в давнем польском обществе, а приамели передают наблюдения, с ними связанные, имеющие характер оценочных суждений, отражающие взгляды общества.

Подытоживая, можно сказать, что в контрастивной перспективе приамели, так же само как и иные типы пословиц, используют два типа конотаций, т.е. таких, которые выступают в разных славянских языках и таких, которые типичны для данного этноса, неизвестны в других культурах. Культурно-языковой анализ приамелей создает возможность реконструировать взгляды, верования, наблюдения как общесловянские, так и сделанные отдельными этническими группами. Стоит подчеркнуть, что многие из исследованных единиц — это сочетания неупотребляемые в современном языке, которые представляют собой запись культуры прошлого, поэтому их исследование дает возможность восстановления давней системы ценностей и мировоззрения, пользующихся данным языком как родным.

1. Szpila G. Krótko o przysłowiu. Kraków, Collegium Columbinum, 2003, pp. 80-82.
2. Lipińska M. Cechy definicyjne francuskich priamelii. Problemy frazeologii europejskiej. Vol. VIII. Lublin, Norbertinum, 2007, pp. 89-105.
3. Krzyżanowski J. Nowa księga przysłów polskich i wyrażen przysłowiowych polskich. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy. Vol. 1-4. Warszawa, 1969-1978.
4. Lipińska M. Komizm słowny w polskich priamelach, Problemy frazeologii europejskiej. Vol. IX. Lublin, Norbertinum, 2012, pp. 71-87.
5. Wybrał J. Berner. Mądrzej głowie dość... przysłowie. Łomża, Oficyna Wydawnicza „Stopka”, 1994. 381 p.
6. Szpila G. Rzecz o polskich priamelach. Literatura Ludowa, 2001, no 1, pp. 13-20.
7. Szerszunowicz J. Priznaki kul'turnoy spetsifiky v pol'skoy frazeologii [Sign of the cultural peculiarities in polish phraseology]. Езиковедски изследвания в чест на проф. Сийка Спасова-Михайлова [Linguistic Studies in Honour Of Prof. Siyka Spasova-Mihaylova]. Ed. by S. Kaldeva-Zakhareva, P. Zakhareva. Sofiya, Prof. Marin Dinov Publ., 2011a, pp. 354-376.
8. Oleśkiewicz A. Europa języków. Związki o proveniencji biblijnej i antycznej w europejskiej wspólnocie słownikowe. Kraków, Collegium Columbinum. 279 p.
9. Mokijenko V.M. Biblismen als Quelle der Europäisierung nationaler Phraseologismen und Sprichwörter. Linguo-Cultural Competence and Phraseological Motivation. Ed. by A. Pamies, D. Dobrovol'skij. Baltmannsweiler: Schneider Verlag, 2011, pp. 91-100.
10. Apresjan J.D. Semantyka leksykalna, Synonimiczne środki języka. Wrocław-Warszawa-Kraków, Ossolineum, 2000, p. 76.
11. Piirainen E. Widespread Idioms in Europe and Beyond: Toward a Lexicon of Common Figurative Units. New York, Peter Lang, 2012. 591 p.
12. Teliya V., Bragina N., Oparina N., Sandomirskaya I. Phraseology as a Language of Culture: Its Role in the Representation of a Collective Memory. Phraseology, Analysis, and Applications. Ed. by A.P.Cowie. Oxford, Oxford University Press, 2001, pp. 59-61.
13. Chlebda W. Człowiek Niewiedzący w zoologu albo zwierzęta w polskim opisie słownikowym. Bestie, żywy inwentarz i bracia mniejsi. Motywy zwierzęce w mitologiach, sztuce i życiu codziennym. Ed. by P.Kowalski, K.Łeńska-Bąk, M.Sztandara. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2007, pp. 21-32.
14. Szerszunowicz J. Obraz człowieka w polskich, angielskich i włoskich leksykalnych i frazeologicznych jednostkach faunicznych. Białystok, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2011. 446 p.
15. Vidović Bolt I. Životinjski svijet u hrvatskoj i poljskoj frazeologiji I. Zagreb, Hrvatska Sveučilišna Naklada, 2011. 209 p.
16. Skorupka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Vol. 1—2. Warszawa, Wiedza Powszechna, 1999.
17. Szerszunowicz J. On Lacunae in Contrastive Phraseology. Phraseologie im interlingualen und interculturellen Kontakt. Eds M.Fabčič, S.Fiedler, J.Szerszunowicz. Bielsko-Biała-Budapest, Univerza v Mariboru, 2013, pp. 161-175.